

Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин*

В летописном повествовании о начале XIII в. мы находим две части одной истории о насильственном пострижении киевского князя Рюрика Ростиславича, осуществленном его зятем, галицким князем Романом Мстиславичем¹, истории, которая неизменно вызывала недоумение у читателей и исследователей, по крайней мере, со времен Н. М. Карамзина².

Дело, напомним, происходило следующим образом. После успешного совместного похода на половцев князя Рюрик, Роман и Ростислав (сын Рюрика) вместе с другими участниками экспедиции собрались в Треполе, дабы договориться о некоем распределении волостей, соответствующем, по-видимому, их ратным заслугам. Здесь между недавними союзниками происходит ссора, вылившаяся в довольно неожиданную форму – Роман захватывает своего тестя и тещу, т. е. Рюрика и его жену, и их дочь, которая довольно долго прожила в браке с Романом, но еще за несколько лет до случившегося была отослана им назад к родителям. Всех троих галицкий князь отправляет в Киев, то есть туда, где Рюрик сидел на княжении, и вот там-то, в Киеве, Рюрик, его жена Анна и дочь были пострижены в монахи³. Сам же Роман

* При написании данной работы использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

- 1 ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 420–421, 425–426. Первая часть рассказа (Стб. 420–421) приходится на одну из статей, пропущенных в Лаврентьевском своде. Эти статьи восстанавливаются по Радзивилловской летописи (см.: ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 161–162) и Летописцу Переяславля Суздальского (см.: ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 125–126); ср.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 87. О пострижении Рюрика и его семьи см. также: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 240; Т. 7. М., 2001. С. 108–109; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 101.
- 2 *Карамзин Н. М.* История государства российского. Книга первая (т. I, II, III и IV). СПб., 1842 (репринт: М., 1988). Т. III. Гл. 3. Стб. 67.
- 3 Иноческие имена, принятые Рюриком, Анной и Предславой, в источниках не зафиксированы, соответственно, мы не знаем, была ли осуществлена в данном случае смена имени при постриге. Считаем уместным оговорить это последнее обстоятельство, поскольку в интересующую нас

вернулся в свои владения в Галич, насильно прихватив с собой обоих взрослых сыновей Рюрика, Ростислава и Владимира⁴.

Через некоторое время в ситуацию вмешался могущественный суздальский князь Всеволод Большое Гнездо, который состоял в свойстве с пострадавшими. По выражению летописца, Всеволода опечалила участь его свата (т. е. Рюрика) и зятя (т. е. Ростислава), а также и детей последнего, которые, со всей очевидностью, приходились Всеволоду родными внуками. Он не счел возможным применить силу и отправил к Роману послов. Переговоры, однако, касались участи только некоторых жертв конфликта – в первую очередь молодых князей, Ростислава и Владимира. В результате они не только были отпущены Романом, но старший из них, Ростислав (зять Всеволода), занял киевский стол, прежде принадлежавший его отцу Рюрику⁵. Внести какие-либо изменения в положение своих родителей и сестры Ростислав (и стоящий за ним его могущественный тесть Всеволод), судя по всему, не смогли или не захотели⁶.

эпоху имя при пострижении в монашество на Руси и в Византии изменялось не всегда. Так, сватья Рюрика и Анны – Мария Шварновна, жена Всеволода Большое Гнездо, принимая постриг 2 марта 1206 г., незадолго до своей кончины, сохраняет в иночестве свое крестильное имя: «[Т]ого^ж м^чца въ вѣ днѣ пострижеса великаа кнѣги Всеволо^ж во мнишескии чинѣ в монастыри стѣе Б^нци юже бѣ самѣ созда^н и нарекоша еи има М^ріа в то^ж има крещена бы^ѣ пре^ж» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 424; Т. 15. М., 2000 (Тверская летопись). Стб. 301). См. также: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 176, прим. 4. С. 575–576.

Как известно, в крещении Рюрик Ростиславич был наречен *Василем* (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 708; Т. 2. М., 2001. Стб. 707), крестильного же имени его дочери, Предславы Рюриковны, источники не сохранили.

4 «И бы^ѣ ра^нсть велика всѣ^м хр^стъяно^м Русской земли. единъ же дѣаво^н печале^н бы^ѣ иже не хоше^т родѣ хр^стъяньском^ѣ добра приехаша во Трепчеле. Рюри^к и Рома^н и Ростисла^в приѣхавъ бывѣ оу шюрина своего оу Переславлѣ. тоу было мироположение въ волосте^х кто како терпель. за Роускою землю. и дѣаво^н положи сматение великое. Романъ. емѣ Рюрика. и посла в Києвъ и постриже в чернци. и женѣ е^ѣ и дщерь е^ѣ. юже бѣ пѣсти^н сѣа Рюрикова^н и бра^т е^ѣ Володимира. а тою поа съ собою» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 420).

5 «Романъ^ж послуша великого кнѣза и зата е^ѣ поусти. и бы^ѣ кнѣзь Киевський и бра^т его поусти» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 421).

6 Сколько-нибудь надежная датировка всех этих действий представляет немало затруднений из-за пробелов и разнобоя хронологических сведений в различных летописных сводах. См.: Грушевський М. История

Вскоре Роман Галицкий погибает в сражении. Как только весть об этом доходит до чернеца Рюрика, он, нимало не медля, «смета с себе чернецьскыѣ порты» и вновь воссел на киевский стол. Тогда же князь Рюрик попытался добиться от своей жены, чтобы она последовала его примеру, однако та не только не пожелала расстаться с иночеством, но, чтобы ее не смогли принудить вернуться в мир, немедленно приняла великую схиму⁷.

Во всей этой истории лишь самый поверхностный взгляд может усмотреть обычный для всего европейского Средневековья династический конфликт, действующий в качестве одного из бескровных средств выведения противника из игры принудительное пострижение в монахи. Уже чуть более внимательное чтение выявляет множество странностей в летописном изложении, не укладывающихся в схему традиционного для Руси внутривидового противостояния. Создается стойкое ощущение, что на всех участников ситуации оказывают влияние некоторые условия и параметры, не названные в источниках напрямую, но тем не менее определяющие возможность/невозможность тех или иных действий с их стороны.

України-Руси в одинадцяти томах, дванадцяти книгах. Львів; Київ, 1904–1922 (репринт: Київ, 1992–1994). Т. II: XI–XIII вік. С. 228, прим. 1; *Бережков Н. Г.* Хронологія руського летописання. С. 86–88. Предшествующие события – взятие Рюриком Киева и заключение соглашения в Овруче – Н. Г. Бережков датирует концом мартовского 6710 г., т. е. они приходится, согласно его вычислениям и указаниям летописей, на начало января – конец февраля 1203 г. Насильственное пострижение Рюрика в датирующей схеме Н. Г. Бережкова не упоминается вовсе, очевидно, однако, что, если следовать его логике, оно должно было происходить позднее конца 6710 мартовского года, так как между ним и соглашением в Овруче была получена санкция Всеволода на княжение Рюрика в Киеве и состоялся совместный поход Романа и Рюрика на половцев.

Существенно при этом, что при всей сложности определения абсолютных дат интересующих нас действий их относительная хронология в различных источниках совпадает и, как кажется, не вызывает сомнений у историков; для наших же построений важна прежде всего именно эта последовательность в разворачивании событий, представленная в летописях вполне единообразно.

7 «Рюрик же слышавъ се вже оубьень бы^с Романъ. иже бѣ и постригль. и смета с себе чернецьскыѣ порты. и сѣде Кыкъѣ. и хоташеть и жену свою ростричи. слышавши же се жена ѹго и пострижеса в скыму» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425–426).

Во-первых, историку трудно усомниться, что конфликт двух князей имел некую политическую (а не, например, исключительно семейную) подоплеку. При этом самые политические цели победителя, князя Романа Галицкого, оказываются, на первый взгляд, крайне неопределенными, во всяком случае, в пространстве летописного сообщения не видно, в чем именно они заключались. Казалось бы, пленение всей семьи киевского князя могло указывать на его стремление завладеть киевским столом. Однако Роман даже не попытался войти в Киев, он лишь отсылает туда часть своих пленников, тогда как сам отправляется в и без того принадлежавший ему Галич.

Весьма необычным, во-вторых, оказывается, так сказать, отбор жертв и распределение их участи. Обычно в межкняжеской борьбе речь не шла о каких-либо насильственных действиях, направленных против княгини и княжон. Их могли где-либо задерживать некоторое время, не пропускать через какие-то земли, не давать им возможности вывезти собственное имущество, однако дальше этих мер ареста и задержания дело, как правило, не доходило, да и сами эти меры были обычно кратковременны. Над женой же и дочерью Рюрика были совершены действия, так сказать, необратимые, обычно применявшиеся в русской андроцентрической модели преемственности власти лишь к мужчинам, к тем, кто мог непосредственно на эту власть претендовать. Еще можно вообразить себе мотивы, по которым Роман хотел постричь отосланную за несколько лет до того к родителям собственную жену, хотя и здесь дело обстоит не так просто (см. ниже). Однако каковы могли быть основания для того, чтобы применить ту же меру к матери Предславы?

В-третьих, киевское духовенство сочло возможным совершить явно принудительный постриг над тем, кто еще вчера княжил в их городе. Можно было бы предположить, что пострижение Рюрика рассматривалось как воздаяние за недавнее взятие и страшное разграбление Киева, которое Рюрик учинил на собственные именины⁸ вместе со своими тог-

8 Относительно точной даты захвата Киева в источниках наблюдается весьма характерное противоречие: Новгородская летопись говорит о том, что это произошло «въ 1 день генваря, на святого Василья» (см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 240), тогда как Лаврентьевская летопись, излагающая эти события куда более подробно, сообщает о 2 января, «на памл^с. ста^с. Силвестра папы Римскаго» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418). Здесь, как кажется, нет нужды объявлять одно из указаний сугубо ложным, а другое – истинным. По-видимому, окончательное падение города произошло на 2 января, вторжение же началось уже 1-го (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 315, прим. 84).

Существенно, однако, что Рюрик, названный в крещении *Василием* (см. выше, прим. 3), предпринял этот демарш в день собственных именин, дата которых была, без сомнения, хорошо известна как киевлянам, так и

дашними союзниками-половцами, помогавшими ему возратить себе этот княжеский стол⁹. Однако такое понимание дела никак не объясняет применение соответствующих мер к его жене и дочери, которое, как мы уже отмечали, было не в обычае на Руси. Помимо всего прочего, подобная трактовка, как кажется, находится в прямом противоречии с интенциями летописца в изложении событий: описывая разорение Киева как небывалое бедствие, он, тем не менее, склонен расценивать последовавшее примирение Рюрика и Романа друг с другом и с Всеволодом Большое Гнездо, санкционировавшим пребывание Рюрика на киевском столе, как событие положительное и кладущее конец княжеским распрям¹⁰. Тем бо-

всем родичам князя. Несколькими годами ранее Рюрик выстроил «цркъвь сѣго Василья во имя свое в Киевѣ на Новомѣ дворѣ» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707), причем церковь была освящена митрополитом Никифором и епископами на 1 января. Более того, Никифору ранее уже приходилось на этот же праздник освящать в Киеве храм во имя того же святого – церковь была построена князем Святославом Всеволодичем на следующий год после женитьбы его сына Глеба на одной из дочерей Рюрика (об этом браке см. ниже) (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 634). Очевидно, Святослав желал таким образом почтить своего свата Рюрика, подобно тому, как Всеволод Большое Гнездо, выдав за сына Рюрика и Анны свою дочь, почтил сватов постройкой во Владимире надвратной церкви во имя Иоакима и Анны (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412) (ср.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени... С. 369).

- 9 По-видимому, первым историографом, которому пришло в голову такое объяснение событий (его нет, кстати говоря, ни в одной русской летописи), был Ян Длугош (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (кн. I–VI): Тексты перевод, комментарий / Под редакцией и с дополнениями А. В. Назаренко. М., 2004. С. 350). Характерно, однако, что он либо руководствовался отсутствующими в дошедших до нас источниках ошибочными данными, либо подстраивал имевшиеся в его распоряжении свидетельства под свою реконструкцию причинно-следственных связей. Согласно версии Длугоша, Роман отпустил на свободу дочерей Рюрика, а постриг только самого князя и его жену, причем сделал это по просьбе и с одобрения других князей. И то, и другое прямо противоречит тому, что мы находим в русских летописных источниках. Кроме того, Роман у Длугоша сам является в Киев, что также не соответствует всем показаниям летописных источников. Для оценки адекватности и степени близости к фактам реконструкции Длугоша весьма показательным, например, уже отмечавшееся исследователями обстоятельство, что известие о смерти Романа предшествует рассказу о насильственных действиях этого князя над Рюриком и его семьей (см.: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 444, прим. 341).

10 См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 419, 420.

лее сугубо положительно оценен совместный поход русских князей на половцев; завершивший же его новый виток конфликта между Романом и Рюриком характеризуется как дьяволово наущение, а отнюдь не как справедливое возмездие Рюрику.

Насильственный постриг оказывается не более чем личной инициативой Романа, что отмечается и во всех прочих летописных текстах. Представляется знаменательным, однако, что самая эта инициатива «прошла» относительно легко, не потребовалось даже непосредственного присутствия галицкого князя в Киеве¹¹. Короткая история политических княжеских пострижений в домонгольской Руси не знает, насколько мы можем судить, случаев столь успешного дистанционного управления ситуацией.

Не менее удивительно, в-четвертых, что Всеволоду Большое Гнездо – пожалуй, самому могущественному из участников этого клубка свойственников – без применения военной силы удается не только уговорить Романа отпустить сыновей Рюрика, но старший из них получает киевское княжение, как если бы его отец мирно скончался или постригся в монахи добровольно. Иначе говоря, власть никуда не ушла из рюриковой ветви рода. При сугубо политической подоплеке конфликта такое развитие событий выглядело бы абсурдным, ибо в задачу князя входило бы, в первую очередь, устранение из игры взрослых наследников соперника, а не борьба с женской частью его семьи.

И, наконец, в-пятых, еще раз обратим внимание на то, что Всеволод никоим образом не попытался помочь своему свату избавиться от иночества. Разумеется, естественнее всего было бы счесть подобное невмешательство простым проявлением благочестия и веры в нерушимость монашеских обетов (при каких бы обстоятельствах они ни были даны). Однако короткое время спустя тот же суздальский князь не имел ничего против такой ситуации, когда его свойственник снял с себя неволею наложенный постриг и вновь сел на киевское княжение.

Иными словами, создается впечатление, что галицкий князь Роман обладал некими внутренними основаниями, позволявшими ему посту-

11 На инициативу Романа и на его дистанционное участие в ситуации указывают не только приводившиеся выше вполне определенные выражения летописца, но отчасти и свидетельство летописи Ипатьевской, сообщающей, что Рюрик принял монашеский чин из страха перед Романом: «...бѣ бо приаѣлъ боѣзни ради Романовы» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717), и в еще большей степени свидетельство Новгородской первой летописи: «Того же лѣта посла Романъ Вячеслава, веля ему Рюрика пострици в чернци» (см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 240).

пать так, как князья обычно не поступали. Однако с другой стороны, эти основания носили, судя по всему, достаточно ограниченный характер, ибо конкретные политические выгоды, которых Роману удалось достичь, были, в сущности, не столь очевидны и в известном смысле – несоразмерны затеянному им показательному мероприятию.

Как кажется, чтобы понять механизм этого странного конфликта, необходимо углубиться в историю брака и расставания Романа Мстиславича и Предславы Рюриковны, дочери насильственно постриженной четы киевских князей. К казусу Предславы дело отнюдь не сводится, но он позволяет поместить всю эту ситуацию в объяснительный контекст, который и сам по себе очень интересен для понимания династического обихода Рюриковичей.

Итак, Роман и Предслава, время брака которых в летописи не указано, это одна из немногих, если не единственная, княжеская пара домонгольской поры, о которой мы можем с уверенностью сказать, что они не только расстались, но их брак был упразднен таким образом, что Роман при живой жене смог заключить повторный матримониальный союз. Во всяком случае, русские летописцы уверенно называют вторую спутницу Романа его женой и княгиней, а рожденных от нее Даниила и Василько – полноправными наследниками своего отца¹².

Таким образом, для расставания Романа и Предславы должны были существовать не только политические или семейные мотивы, но и признаваемые церковью обоснования. Ни о том, ни о другом в летописи напрямую не говорится. Что касается первоначальных причин их разъезда, то здесь нельзя не вспомнить о сложной, изобилующей конфликтами и примирениями истории взаимоотношений Рюрика (отца

12 Ср., например: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720–721. В рассказе о событиях 1195 г. Винцентий Кадлубек столь же уверенно говорит о разводе Романа и Предславы. Правда, он не уточняет, идет ли дело о том, что они разъехались, или о церковном разводе как таковом: «Ибо Роман помнил, сколько благодетельный сделал ему Казимир, у которого он почти с колыбели воспитывался, да и на княжество, которым он [Роман] правил, посадил его Казимир. Он знал также, что если они [Казимировичи] погибнут, то и его корню угрожает секира: здесь – от Мёшка, если [тот] победит, там – от князя киевского, с дочерью которого он развелся» (см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 318–319). А. В. Назаренко полагает, что разрыв мог иметь место в 1195 г. (см.: Там же. С. 319, прим. 155), такой же точки зрения придерживается и И. Граля (*Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mściślawicza // Slavia Orientalis. 1982. Rocznik XXXI, № 3–4. S. 115*).

Предславы) со своим зятем. Весьма вероятно, что в лучшую пору этих отношений Роман заключил со своим тестем и шурыями соглашения, по которым им предоставлялись широкие права опекунов над землями и потомством Романа в случае его гибели¹³. Договоры такого типа обычно связывали кровных родичей двух поколений. Исходно двое или несколько князей-братьев сговаривались между собой относительно порядка наследования и участи детей того из них, кто умрет первым. В дальнейшем это соглашение как бы подхватывалось в договоренности между дядьями и оставшимися без отца племянниками, а затем оба таких договора могли в той или иной степени служить опорой для распределения земель и родового старшинства, когда эти племянники мужали и обретали самостоятельный политический вес¹⁴.

Рано осиротевший Роман в значительной степени оказался вне этой системы родственной преемственности, поскольку к моменту его женитьбы на Предславе не только не было в живых его отца, но успел, по всей видимости, скончаться и его дядя, Ярослав Луцкий, с которым отец Романа, Мстислав Изяславич, заключил соответствующее соглашение¹⁵. Из родных братьев Романа в живых оставался, судя по всему, только один из младших – Всеволод Белзский, отношения с которым складывались у Романа не всегда благополучно. Таким образом, функции, обычно принадлежащие кровным родственникам (отцу, дядьям, братьям), могут быть перенесены в данном случае на свойственников¹⁶.

13 На такую мысль, помимо всего прочего, наводит тот факт, что после того, как Роман был убит, Рюрик, как бы перечеркивая все случившееся после съезда в Треполе, не только сбрасывает с себя иноческую мантию, но и немедленно пытается предъявить свои права на Галич.

14 Подобный договор существовал, например, между Рюриком и его братьями, Мстиславом и Романом Ростиславичами. О многоступенчатых соглашениях между князьями-братьями, находивших свое отражение, в частности, в имянаречении, подробнее см.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени...* С. 71–110.

15 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 559.

16 Так, пытаясь сесть на галицкий стол, Роман не только ищет помощи и покровительства Рюрика, но и просит прислать к нему Ростислава, своего шурина: «Романъ же испросиѣ оу тѣста оу своего оу Рюрика на Галичь. река емоу ведоут ма Галичане к собѣ на княжение. а поусти со мною сѣа своего Ростислава. Рюрикъ же поусти с нимъ сѣа своего» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661). В следующем году очередной виток соперничества за Галич разворачивается, в сущности, между двумя зятьями Рюрика Ростиславича – Романом и Глебом. Рюрик держит сторону Романа, и самый кон-

В определенный момент, однако, с усилением позиций Романа центробежные силы в его отношениях с Рюриком могли оказаться мощнее центростремительных, и разрыв довольно длительного брачного союза¹⁷ был своего рода демаршем, знаменующим глубокий кри-

зис фликти выгладит, скорее, как разделение зон влияния между старшими: на стороне Глеба выступает его отец Святослав, а на стороне не имеющего отца Романа – тесть.

Еще более показателен с точки зрения отождествления свойств с родством конфликт Рюрика и Романа середины 90-х гг., в процессе которого Предслава Рюриковна, по-видимому, и была вынуждена уехать к отцу. В сугубо семейной перспективе дело складывается так, что одну и ту же волюсть два тестя (Рюрик и Всеволод Большое Гнездо) поочередно дают своим зятям, Роману и Ростиславу соответственно. Как на грех, один из зятьев, Ростислав, является одновременно и сыном Рюрика, а потому Роман, первоначально согласившийся вернуть отданные ему земли ради поддержания мира со Всеволодом, начинает подозревать обоих сватов в сговоре в пользу Ростислава (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 684–685). В сущности, Роман обвиняет своего тестя, будто бы тот предпочел интересы родного сына и пренебрег интересами того, кто стал его сыном по договоренности. При иных отношениях предпочтение, отдаваемое сыну перед зятем, выглядело бы вполне естественным, однако в данном случае Рюрик апеллирует вовсе не к этому естественному аргументу, а напротив, всячески подчеркивает сыновнюю близость к нему Романа: «а ты мнѣ снѣ свои. а то ти воѣсть инаа тои равна» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 686). Последовавшее позднее примирение между князьями трактуется Рюриком как возвращение к отношениям отца и сына: «...азъ его приимоу и ко крѣѣ-тоу вожоу и надѣлокъ емоу даю. даже в томъ оустоить. и ѿцмъ ма имѣти почнеть во правдоу и добра моего хотѣти. то ѿзъ и снѣомъ имѣю собѣ ѿкоже и первое имѣлъ есмь его и добра емоу хотѣлъ» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 688). Разумеется, отношения договора старшего и младшего у Рюриковичей регулярно осмысляются в терминах *отец* и *сын*, но едва ли в летописи можно найти примеры, чтобы эта терминология столь усиленно педалировалась по отношению к людям, чье кровное родство на деле было столь отдаленным.

- 17 Как уже отмечалось, дата брака Романа с Предславой в летописи не зафиксирована. Основой для ее реконструкции служит, с одной стороны, время замужества их малолетней дочери Феодоры (1188 г.) и, с другой стороны, предполагаемый брачный возраст ее матери Предславы или время возвращения ее отца, Романа, из Польши. Таким образом, этот союз мог быть заключен между 1178/79 и 1185 гг. См.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*. Poznań; Wrocław, 2002 (Biblioteka Genealogiczna 6). S. 29–30 (с указанием литературы и обсуждением истории вопроса). Польский исследователь указывает в

зис политических связей между двумя князьями. Впрочем, не следует забывать, что, несмотря на всю тяжесть этой ссоры, политические контакты между Рюриком и Романом не были полностью и бесповоротно прерваны с отъездом Предславы – несколько лет спустя бурные события рубежа столетий заставляют вчерашних противников достигать компромисса, выступая заодно в переговорах о возвращении Рюрику Киева или отправляясь в уже упоминавшийся совместный военный поход против половцев¹⁸. Строго говоря, вплоть до рокового тройственного пострижения не была упразднена, по-видимому, вероятность их полного примирения, а, соответственно, и безболезненно-го разрешения матримониального казуса Романа и Предславы.

С другой стороны, свою роль в расставании этой четы могло играть и то обстоятельство, что у них не было мужского потомства, а политический разрыв между тестем и зятем стал, таким образом, лишь следствием неудачно складывавшейся семейно-династической ситуации¹⁹; правда, мы, в сущности, ничего не знаем о том, практиковалось ли в домонгольской Руси расторжение княжеского брака из-за отсутствия сыновей²⁰.

качестве наиболее вероятного года заключения союза 1182, хотя в целом предпочитает говорить об обозначенном выше хронологическом промежутке, тогда как Н. Баумгартен, например, существенно сужал этот временной отрезок, считая, что Предслава вышла замуж между 1183 и 1185 гг. (см.: *Баумгартен Н. А.* Родословные отрывки: Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича // *Летопись историко-родословного общества в Москве.* 1909. Вып. 1 (17). С. 6).

- 18 Ср.: «[Т]ого* лѣта исхода^д. февра^д въ ѿ прихода Романъ ко Вроучему на Рюрика. ѿвода и ѿ Влгови^д. и ѿ Половецъ. целова Рюрикъ к великомѹ кнзю Всеволодѹ. и к снѹ^м его Костантинѹ. и ко Всеволоду и ко его бра^т.и. и ре^д Романъ к Рюрикови то оу* еси кр^стъ целоваль. пошли ты моу* свое^д ко сватѹ своему. а га слю свое^д моу*. ко шцю и гноу великомѹ кнзю Всеволодѹ. и ты са моли. и га са молю. абы ти да^д Киевъ шпа^д» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 419).
- 19 Именно такой точки зрения на причинно-следственный ход событий в семье Романа и Предславы придерживается, например, Д. Домбровский (*Dąbrowski D.* Genealogia Mściślawowiczów: Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 457).
- 20 Вопрос о том, к каким династическим последствиям для князя вело в ту пору отсутствие наследников мужского пола, чрезвычайно интересен, но малоисследован. Не исключено, например, что именно отсутствие живых сыновей стало с какого-то момента причиной своеобразной династической ущербности одного из Мономахичей, князя Вячеслава Владимировича, чей сын, Михаил, умер, как известно, еще при жизни

Однако подчеркнем еще раз, что при обсуждении распада матримонимального союза весьма важно, на наш взгляд, не смешивать три различные составляющие: исходные причины, канонический повод и конкретную возможность упразднения брака. Если говорить не о «раздельном проживании» супругов, а о церковном разводе, ни политические противоречия, ни отсутствие мальчиков в семье не могли служить достаточным для него основанием. Здесь мы вступаем в область, на наш взгляд, крайне интересную и в то же время весьма малоизученную – какие династические браки и какие династические разводы вообще были возможны на Руси. Исследователями уже не раз отмечалось, что Роман и Предслава состояли друг с другом по римскому (он же византийский) счету в 6-й степени родства, то есть оба они были правнуками одного и того же лица, в данном случае знаменитого киевского князя Мстислава Великого²¹.

отца. С другой стороны, мы знаем случай, когда бездетная княжеская чета не только сохраняет брак, но и берет в качестве приемного ребенка не мальчика, но девочку – так поступает родной внук Романа Галицкого, князь Владимир Василькович (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 901, 904–905; ср.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени... С. 242–243, где в прим. 10 дана ошибочная отсылка к Лаврентьевской, а не к Ипатьевской летописи). По-видимому, не было сыновей и у шурина Романа, князя Ростислава Рюриковича, однако он не пытался развестись со своей женой Верхуславой, дочерью Всеволода Большое Гнездо.

- 21 Близкое родство этой княжеской четы обращало на себя внимание специалистов по брачному праву уже в XIX в. (Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. III: История российских гражданских законов, часть первая, введение и книга первая о союзах семейственных. СПб., 1857. С. 192, прим. 658), в последнее время оно специально затрагивалось в работах: Плехонин А. Г. «История Российская» В. Н. Татищева и исследование

В Византии подобные браки были под запретом по крайней мере с середины VIII столетия – соответствующее указание мы обнаруживаем уже в «Эклоге»²²; аналогичный запрет имеется и в позднейших законодательных сводах, в «Прохионе» и «Василиках»²³. Более того, в интересующий нас период в Византии отвергалась и 7-я степень родства²⁴, браки между родственниками в этой степени в свое время запрещал еще патриарх Алексей Студит. Для нас весьма существенна правоприменительная модель, предложенная в данном постановлении: если такой союз уже заключен, то супругов не следует разлучать, а лишь подвергнуть покаянию. Немаловажно также, что 7-я степень кровного родства характеризовалась здесь как «выпавшая» из прежнего законодательного обсуждения, безусловно запрещавшего браки между родственниками в 6-й степени и столь же безусловно допускавшего союзы между родственниками в 8-й степени²⁵.

Во второй половине XII в. возможность браков между лицами, состоящими в 7-й степени кровного родства, в Константинополе оказывается

генеалогии Рюриковичей // СР. Вып. 4. М., 2004. С. 322; Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 129, прим. 28.

- 22 «Запрещается же сочетаться браком тем [...], кто считается состоящим друг с другом в кровном родстве, то есть родителям с детьми, братьям с сестрами и их детям, так называемым двоюродным братьям и их детям и только» (см.: Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Пер. Е. Э. Липшиц. Византийская книга эпарха / Пер. М. Я. Сюзюмова. Рязань, 2006. С. 54, титул II, § 2).
- 23 См. подробнее о 6-й степени родства в византийском брачном праве: *Zhishman J. von. Das Eherecht der orientalische Kirche*. Wien, 1864. S. 238–241.
- 24 О запрете таких браков см. подробнее: *Zhishman J. von. Das Eherecht...* S. 241–252.
- 25 См.: Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований / Труд В. Н. Бенешевича. Т. II / Подгот. к изд. Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым и Я. Н. Щаповым; под общ. рук. Я. Н. Щапова. София, 1987. С. 190–191. Гл. XXXIV; *Zhishman J. von. Das Eherecht...* С. 243. Ср. также в этой связи ответы митрополита Иоанна черноризцу Иакову (80-е гг. XI в.): «А еже. Г̃. ѿ брата чада поймають, аще и внѣшнии законъ повелѣваетъ, но и симъ дасться ѿпитемя, полезную церкви и вѣрнымъ. Иже со. В̃. ю брата чадою совокупляеться, аще не послушаютъ розно разитиса, въ свершеное ѿлучатьса осуженье» (см.: РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 12, № 23). Таким образом, тот, кто вступает в брак с отпрыском троюродного брата (родство в 7-й степени), подлежит церковному покаянию, хотя союз этот не противоречит «внешнему» (светскому?) закону. Брак же с родственником в 5-й степени подлежит расторжению, а его участники – полному отлучению от церкви.

предметом живейшего обсуждения, в которое были вовлечены не только церковные иерархи, но и светская власть. В частности, патриарх Лука Хрисоверг и синод обращались по этому поводу к императору Мануилу Комнину. Результатом всех этих обсуждений стали появившиеся один за другим соборное постановление (11 апреля 1166 г.) и императорский декрет (18 мая 1166 г.), в которых подтверждалась недозволительность таких браков, однако императорский декрет, имевший силу окончательного решения, содержал в себе элемент компромисса, поскольку объявленный в нем запрет не обладал обратной силой – было позволено, не допуская подобных союзов впредь, признать не подлежащими немедленному расторжению уже заключенные браки. Как следует из текста императорского решения, это послабление было вызвано нежеланием нарушать интересы знатнейших фамилий, включая и правящий дом Комниных, разводя супругов, вступивших в брак с личного согласия и одобрения императора.

Иначе говоря, византийская практика того времени недвусмысленно свидетельствует о своего рода уязвимости тех запретов, которые касаются наиболее дальних из недозволительных степеней родства, по крайней мере если речь идет о браках высшей знати. Это не означает, разумеется, что византийская аристократия, император и его родственники, вовсе игнорировали запрещение на союзы между кровными родственниками в 7-й степени, а тем более на браки между троюродными²⁶. Тем не менее, и после только что упомянутых поста-

26 В нашем распоряжении есть весьма выразительный пример, демонстрирующий, что и в конце XII столетия по прямому настоянию императора мог быть заключен брак между представителями правящего дома, состоящими в 6-й степени родства, однако такое действие ни в малой степени нельзя было назвать заурядным – оно требовало особой санкции светских и духовных институций, вызывало весьма неоднозначные оценки в сенате и привело к прямому конфликту с патриархом Феодосием, закончившемуся его добровольным удалением с престола. Речь идет о достаточно скандальном браке, устроенном по инициативе императора Андроника Комнина. Андроник (который, кстати, прежде чем сделаться императором, некоторое время, как известно, провел на Руси, у галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла, ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524) женил Алексея, внебрачного сына покойного императора Мануила, на собственной незаконнорожденной дочери Ирине. Матери брачующихся (обе носившие имя *Феодора*) приходились друг другу двоюродными сестрами, а отцы – двоюродными братьями. Соответственно, Алексей и Ирина были троюродными братом и сестрой сразу по двум линиям. Согласно «Истории» Никиты Хониата, сторонники этого брака утверждали, что родства между лицами, о бракосочетании которых идет речь,

новлений подобные браки время от времени все же заключались, в том числе и по воле императора. Как выразился историк XIII в. Георгий Акрополит по поводу предполагавшегося брака между членами правящего рода, состоявшими друг с другом в 7-й степени родства, «так делал и император Иоанн, и многие другие, так что это было делом обыкновенным; и хотя церковь запрещала подобные браки, но императорам это разрешалось ради общественной пользы»²⁷.

Таким образом, между постулируемой нормой и династической практикой в Византии по-прежнему допускался некоторый зазор. С другой стороны, были выработаны специальные механизмы, не позволяющие этому зазору чрезмерно увеличиваться. Так, в постановлении императора Мануила говорится о необходимости церковного наказания не только брачующихся, коль скоро им было известно о связующей их 7-й степени родства, не только священников, которые обвенчали столь близких родственников, но и тех, кто дал согласие и одобрение на подобный брак. Как кажется, эта последняя деталь может оказаться немаловажной при рассмотрении интересующих нас русских событий.

Как же обстояло дело в династии Рюриковичей? Если судить по переводным славянским источникам, то в конце XII в. на Руси продолжало фигурировать более архаичное и более вольготное византийское правило, в соответствии с которым 7-я степень родства считалась пригодной для брака, тогда как 6-я, та самая, в которой, напомним, состояли Роман и Предслава, отвергалась как недопустимая²⁸. Однако для понимания си-

не существует, ибо оба они были плодом незаконных связей, а такого рода отпрыски законами не признаются в родстве друг с другом. Однако их оппоненты, включая, по-видимому, самого патриарха, смотрели на дело иначе и считали нужным основываться не на законности некогда заключенных союзов, а на самом факте кровного родства (*Никита Хониат*. История со времени царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003. Т. I. С. 273–274. Гл. XV). Не исключено, что конфликт усугублялся еще и тем обстоятельством, что оба брачующихся были плодом не только незаконных, но и кровосмесительных связей, поскольку мать Алексея приходилась родной племянницей его отцу, императору Мануилу, а мать Ирины – двоюродной племянницей ее отцу, Андронику.

27 *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита / Пер. под ред. И. Троицкого // *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов; *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. С. 340, гл. 50.

28 Соответствующую норму, запрещающую браки в 6-й степени, но позволяющую в 7-й и 8-й, см. в: РИБ. Т. 6. Стб. 143, № 14, § 1; Древнеславянская Кормчая... Т. II. С. 196–201.

туации с русскими династическими браками невозможно ограничиться одной только отсылкой к переводным нормативным источникам.

С одной стороны, существует целый ряд проблем с периодизацией, интерпретацией, а соответственно, и рецепцией этих норм на Руси. Зачастую смысл славянского перевода оказывается весьма темн и невнятен, содержит немотивированные отступления от греческого оригинала и смысловые противоречия в различных списках источника. Это неизбежно вызывает вопрос о степени применимости этих переводных текстов в практической жизни, особенно – в жизни княжеской династии²⁹. С другой стороны, в регуляции княжеских браков, особенно если речь идет о киевских князьях или о тех, что занимали значительные столы, совпадающие с центрами епархий, не могли не участвовать митрополит и епископы, которые не нуждались при вынесении решений в славянских переводах нормативных текстов, а могли непосредственно прибегать к оригинальным греческим источникам.

Хорошо известно при этом, что в средневековом мире по отношению к династии церковь могла осуществлять как политику максимального пуризма, следя за соблюдением всех канонических установлений в большей мере, чем когда дело шло о подданных этих правителей, так и политику относительной толерантности, из соображений икономии давая разрешение на брак, сомнительный с точки зрения родственной близости. Какой тактики в этом отношении придерживались духовные иерархи на Руси? Как эта тактика менялась во времени?

Исторические источники домонгольской поры отличаются крайним лаконизмом в фиксации каких бы то ни было высказываний, дозволений или запрещений духовных лиц относительно княжеских матримонимальных союзов³⁰. Поэтому для выяснения закономерностей

29 Подробный разбор проблематики, связанной с практической применимостью славянских переводов правовых источников в домонгольской Руси, см. в работе: *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187–305.

30 В первую очередь здесь следует упомянуть осуждение (самого общего характера) браков Рюриковичей с латинянами (осуждение это, кстати сказать, по-видимому, не вело к последовательным практическим результатам, см.: РИБ. Т. 6. Стб. 7. № 13) и отказ новгородского архиепископа Нифонта венчать князя Святослава Ольговича, что, впрочем, не помешало тому венчаться «своими попы» в отстроенной им церкви: «В то же лѣто оженися Святославъ Олговиць в Новѣгородѣ, и вѣнцася съ своими попы у святого Николы; а владыка Нифонтъ его не вѣнца, ни попомъ, ни чернцмъ не да на свадьбу ити, глаголя: ‘не достоинъ ти ея поняти’» (см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 209). Об этом летописном свидетельстве см. также: *Литвина А. Ф.*,

матримониальной жизни Рюриковичей исследователю приходится так или иначе работать с «узуальной нормой», т. е. учитывать и обсчитывать весь массив княжеских браков и именно таким образом устанавливать, какие союзы были возможны, а какие нет.

Позднее домонгольское время, XII – начало XIII столетия, дает довольно богатый материал для подсчетов в том, что касается кровного родства, так как именно в это время у Рюриковичей все более распространяются внутрдинастические браки. Отсутствие таких матримониальных союзов вплоть до конца XI в. само по себе лишний раз подчеркивает стремление династии соблюдать церковные запреты в этой сфере, поскольку в ту пору отдельные ветви рода еще не успели разрастись и разделиться настолько, чтобы родство между его представителями стало достаточно отдаленным для дозволенных браков.

Из наблюдений над «узуальной нормой» становится ясно, например, что браков между кровными родственниками в 7-й степени у Рюриковичей заключалось довольно много и их поток, как кажется, не иссякает во второй половине XII в. Можно установить, таким образом, что греческие митрополиты проявляли известного рода терпимость к подобным союзам. Возможно, корни такой терпимости следует искать в том, что, несмотря на недозволенность этих браков по «новым» уложениям, в византийской династии легче допускались компромиссы именно в отношении 7-й степени родства, хотя само по себе «отставание» Руси, использование здесь, так сказать, прежних норм, не может не вызывать некоторого удивления.

Матримониальный обиход русского правящего рода при этом допускал в некоторых аспектах усиление и весьма расширительную трактовку ряда общеканонических ограничений. Так, русскому князю, например, ни в коем случае нельзя было жениться на вдове другого русского князя. Это правило – абсолютно немыслимое в Европе – в христианское домонгольское время не знает на Руси ни одного исключения. Единственный нарушитель из предыдущей эпохи – это князь Владимир, будущий креститель Руси, который еще язычником взял в жены вдову убитого им брата Ярополка. Таким образом, мы имеем нигде не зафиксированный письменно запрет жениться на княжеских вдовах, который сугубо специфичен именно для династии Рюриковичей³¹. Этот яркий пример самобытности

Успенский Ф. Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 42–44.

31 См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектории традиции... С. 48–55; *Они же.* Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: Матримониальные стратегии и легенды власти // *Славяне и их соседи.* XXV

княжеского семейного уклада лишний раз демонстрирует невозможность механической экстраполяции всех деталей матримониальной стратегии византийских или западноевропейских династий на древнерусскую почву, хотя во многих отношениях Рюриковичи и действовали в этой сфере по тем же самым моделям, что и другие христианские государи.

Что же касается браков в 6-й степени родства, каковая, напомним, существовала между Предславой и Романом, то подобные союзы были у русских князей достаточно редким исключением.

К сожалению, исследователь в данном случае (как и во многих других, когда речь идет о генеалогии Рюриковичей домонгольского времени) лишен возможности указать точные цифры. Это связано, прежде всего, с неполнотой наших сведений о княжеских браках. Особенно велики лакуны в матрилинейной сфере: например, князь Ростислав Мстиславич, отец насильственно постриженного Рюрика, был без сомнения одной из самых заметных фигур в русской истории XII в. Мы знаем довольно много не только о его публичной жизни, но и о взаимоотношениях с родным дядей или сестрой, мы можем проследить судьбы нескольких его детей, однако данных о том, на ком Ростислав был женат, попросту не сохранилось. С другой стороны, даже в тех случаях, когда нам более или менее определенно известно о нескольких браках князя и генеалогия его жен выстраивается более или менее отчетливо, вопрос о том, в каком из союзов рожден тот или иной из княжеских отпрысков (и, соответственно, кто были их деды и прадеды по материнской линии), зачастую остается открытым.

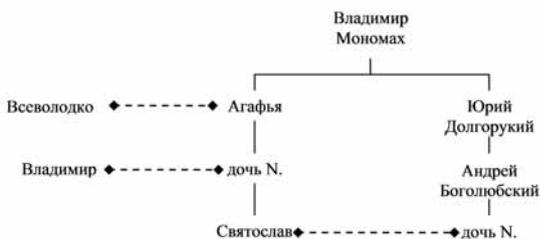
Таким образом, выстраивая сколько-нибудь длинные генеалогические цепочки, мы почти неизбежно сталкиваемся со звеньями слабыми и нуждающимися в реконструкции. При этом консенсус относительно допустимых принципов этой реконструкции на сегодняшний день между исследователями не достигнут, что порождает расхождение в «статистике» близкородственных браков.

Если говорить о союзах внутридинастических, относящихся к домонгольской поре, то нам представляется оправданным обсуждать четыре более или менее достоверно устанавливаемых брака между родственниками в 6-й степени. Мы имеем в виду матримониальные союзы **1)** Святослава Владимировича Вщижского (внука Давыда Святославича) с не названной в летописи по имени дочерью Андрея Боголюбско-

конференция памяти В. Д. Королюка: Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М., 2010. С. 78–82.

го³²; 2) Глеба Святославича (внука Всеволода Ольговича) с также не названной в летописи по имени дочерью нашего Рюрика Ростиславича; 3) столь существенный для нашей работы брак Романа Мстиславича и Предславы Рюриковны³³ и, наконец, 4) еще один брак, на рассмотрении которого мы подробнее остановимся ниже. Поскольку те генеалогические построения, которые можно признать надежными³⁴, не дают нам

- 32 Сообщение о браке между Святославом Вщижским и дочкой Андрея Боголюбского мы находим в летописи под 1159 г.: «Тое же зимы приде Изяславъ с Половци [...] и пославъ ко Андрѣви к Гюргевичу Ростову. и проси оу него дщери за своего сыновца. за Стѣслава [...] пришли бахуть Русскии князи. на Стѣслава на Володимерича. и вступили и бахуть во Вьсжици вн же быашеться с ними из города. вжидаю помочи ѿ Изяслава ѿ стрѣла своего. и ѿ тести своего ѿ Андрѣя» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350). Ср. также данные Ипатьевской летописи, не оставляющие никаких сомнений, что этот брак состоялся: «...тогда же Андрѣвну приведоша за Стѣслава. за Володимера <Х. володимерича, П. володимерича> въ Вьщижъ» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 509). Дочь Андрея Боголюбского, внука Юрия Долгорукого, безусловно, приходится родной правнучкой Владимиру Мономаху. В свою очередь, Святослав Вщижский, будучи сыном Владимира Давыдовича и Всеволодовны (об этом союзе см. ниже), является внуком Агафьи Владимировны и, так же как и его супруга, правнуком Мономаха:

Подробнее об этом матримониальном союзе см. в работе: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // *Древняя Русь: Вопросы мидиевистики* (в печати).

- 33 Об исчислении кровного родства между сестрами Рюриковнами и их мужьями, Глебом Святославичем и Романом Мстиславичем, см. подробнее: *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне... С. 129, прим. 28, с указанием литературы; добавим только, что в каждом случае оба брачующихся являются правнуками Мстислава Великого.
- 34 Как мы уже отмечали выше, такая надежность редко бывает абсолютной, в особенности если речь идет о родстве по материнской линии. Критери-

оснований полагать, что браков подобного типа было множество, не стоит, как кажется, трактовать сомнительные случаи в пользу их приумножения и умозрительно полагать, что таких союзов было, например, в несколько раз больше, чем зафиксировано в летописи³⁵.

Таким образом, учитывая чрезвычайную частотность и, так сказать, востребованность внутридинастических союзов на Руси, можно сказать, что Рюриковичи на практике довольно последовательно соблюдали запрет на браки между троюродными, но исключения из этого запрета не считались чем-то невозможным и полностью неосуществимым. Вело ли при этом заключение подобных браков к каким-либо специфическим последствиям в собственно церковной или собственно семейной перспективе?

ем надежности в данном случае для нас является, прежде всего, прямая фиксация брака в летописи и – в чуть меньшей степени – употребление по отношению к участникам семейной ситуации однозначных терминов свойствá (*шурин, тесть*, но, скажем, не *зять* или *сват*, поскольку два последних обозначения могут употребляться по отношению к людям, состоящим в разных степенях свойствá).

- 35 Вполне вероятно при этом, что, помимо выделенных нами четырех матримонимальных союзов, в XII – начале XIII в. имели место и еще один-два случая внутридинастических браков в 6-й степени родства, которые, впрочем, не влияя кардинально на общую статистическую картину, удостоверяющую их редкость и нестандартность. Говоря о примерах сомнительных, мы имеем в виду, в частности, обсуждавшийся в историографии брак Ростислава Глебовича с некоей Софьей Ярославной. Самый факт замужества Софьи отмечен в летописи: «Том же лѣ^ѣ престависа Софья. Ярославна. Ростиславла. Глѣбовича» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 489). Предполагается, что ее отец и мать Ростислава были двоюродными братом и сестрой, и, соответственно, Софья состояла со своим мужем в 6-й степени родства (см.: *Baumgarten H. A. Ярослав Святополкович, князь владимиро-волынскій: Его происхождение, браки и потомство // Известия Русского императорского генеалогического общества. 1911. Вып. 4. С. 44–46; Baumgarten N. Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. Roma, 1927 (Orientalia Christiana 9: 1, Num. 35, Maio.). S. 10, табл. II, № 19. S. 32, табл. VIII. № 12; Плaxонин А. Г. «История Российская» В. Н. Татищева... С. 322). Однако генеалогия обоих супругов (в особенности Софьи) содержит целый ряд заметных лакун, так что предположение об их близком родстве является гипотезой, которую труднее подтвердить, нежели опровергнуть (см. подробнее: *Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне... С. 153–154, с неточностью в передаче патронима жены Глеба Всеславича, дочери Ярополка Изяславича: на с. 153 княгиня ошибочно названа «Святополковной»).**

Из наблюдений над матримониальным обиходом европейских династий мы знаем, что именно те союзы, которые, с одной стороны, противоречат канону как таковому, а с другой, расходятся и с местной традицией применения этого канона, наиболее уязвимы в ситуации меняющейся политической конъюнктуры³⁶. Попросту говоря, допущенный в виде исключения брак в близкой степени родства чреват разводом, коль скоро в нем отпадает практическая и прагматическая надобность. В сущности, можно проследить даже некоторую традицию своеобразной манипуляции каноническим правом: одни и те же родственные отношения сперва оказываются приемлемыми для брака ради пользы страны и церкви, а впоследствии они же провозглашаются достаточным основанием для расторжения этого брака. Существование такой традиции, при всей ее порочности, само по себе могло служить превентивным средством, предохраняющим от заключения матримониальных союзов в недозволенных степенях родства, сколь бы выгодными на данный момент они ни представлялись.

Однако вплоть до начала XIII в. мы не располагаем данными, позволяющими говорить о такой игре с брачным правом на Руси. Действи-

36 Из общих работ, разбирающих бытование канонических брачных запретов, см., в частности: *Duby G. Le mariage dans la société du haut moyen âge // Il matrimonio nella società altomedievale. Vol. I–II. Spoleto, 1977. (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo 24.)*; *Sheehan M. M. Choice of Marriage Partner in the Middle Ages: Development and Mode of Application of a Theory of Marriage // Studies in Medieval and Renaissance History. 1978. Vol. 11. S. 4–15*; *Goody J. The Development of the Family and Marriage in Europe. Cambridge; L.; N.Y., 1983*; *Sheehan M. M. The European Family and Canon Law // Continuity and Change. 1991. Vol. 6. S. 347–360*; о динамике в отношении к подобного рода бракам и разводам в IX–XII вв. см., например: *Bouchard C. B. Consanguinity and Noble Marriages in the Tenth and Eleventh Centuries // Speculum. 1981. Vol. 56. № 2 (April). P. 268–287* (здесь эта проблема детально рассматривается на материале матримониальных союзов бургундской знати); *Wolf A. Wer war Kuno 'von Öhningen': Überlegungen zum Herzogtum Konrads von Schwaben († 997) und zur Königswahl vom Jahre 1002 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters, Jg. 36. 1980. S. 78–83* (внимание уделяется бракам германской высшей знати X столетия); анализ польского материала см.: *Gieysztor A. Le tradizioni locali e le influenze ecclesiastiche nel matrimonio in Polonia nei secoli X–XIII // Il matrimonio nella società altomedievale. Vol. I–II. Spoleto, 1977. (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo 24.). S. 321–346*. О том, как междинастические браки русских князей вписываются в общую картину соблюдения брачных запретов в Западной Европе XI–XII вв. см.: *Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 563–565*.

тельно, известно несколько случаев, когда княгиня из рода Рюриковичей расстается со своим мужем³⁷ и возвращается к отцу. Знаем мы, как уже

37 В Воскресенской летописи есть сообщение (отсутствующее в трех древнейших летописных сводах) о том, что князь Ярослав Святополчич в 1118 г. отослал от себя жену, дочь Мстислава Великого, внучку Владимира Мономаха (см.: ПСРЛ. Т. 7. С. 24). Согласно данному источнику, именно этот поступок и стал поводом для очередного военного конфликта Ярослава с Мономахом, который «слышавъ се, и совокупи воя поиде на нь», и последовавшего за ним бегства Ярослава из Владимира-Вольнского в Венгрию (по некоторым летописным свидетельствам – в Польшу). Древнейшие летописи, упоминающая самый этот конфликт, ничего не сообщают, однако, о его непосредственной причине (см.: Там же. Т. 1. Стб. 250, 291–292; Т. 2. Стб. 284–285).

Куда ближе по времени к интересующему нас событию отъезд княгини Ольги Юрьевны от своего мужа, князя Ярослава Владимировича Осмомысла. Она действовала совместно со своим сыном Владимиром, оставляя интересы последнего, тогда как Ярослав стремился, как известно, передать право на княжение своему незаконнорожденному сыну Олегу. Перипетии взаимоотношений Осмомысла и Ольги демонстрируют, что подобного рода разъезд мог быть, строго говоря, событием неокончательным. Единожды сторонникам Ольги и Владимира удастся убедить их вернуться из Польши в Галич и вынудить Ярослава воссоединиться с Ольгой (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 564). Однако вскоре Ольга опять вынуждена покинуть мужа и уехать к братьям (см.: Там же. Т. 2. Стб. 571). В определенный момент княгиня принимает постриг под именем *Евфросинья* (см.: Там же. Т. 1. Стб. 389), однако мы не знаем ничего о том, когда именно это произошло (ее иноческое имя известно лишь из сообщения о смерти), как не знаем, вступил ли Осмомысл во второй брак. Так или иначе, княгиня стала монахиней при жизни мужа, который пережил ее на несколько лет.

В 1187–1188 гг. происходят драматические события с малолетней дочерью интересующих нас Романа и Предславы по имени *Феодора*, которую сперва отдают замуж за незаконнорожденного (и, по всей видимости, тоже малолетнего) сына Владимира Ярославича Галицкого и некой попадьи, а вскоре, перед бегством Владимира с сыновьями из Галича, отнимают ее у них и, по-видимому, возвращают отцу, Роману Мстиславичу (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660). Из единственного летописного свидетельства о дальнейшей жизни Феодоры Романовны мы можем заключить лишь, что она была достаточно близка со своим единокровным братом Даниилом Романовичем и что ее жизненный путь был связан с Киевом и Овручем, поскольку она подарила брату вывезенные оттуда драгоценные иконы (см.: Там же. Т. 2. Стб. 844). Была ли она инокиней, каковой ее считают некоторые исследователи, сказать решительно невозможно.

Пожалуй, наибольший интерес у историков всегда вызывал эпизод с дочерью Мстислава Удатного, которую отец, как известно, в определенный момент забрал

у мужа, князя Ярослава Всеволодича – предметом полемики до сих пор остается тезис о том, было ли разлучение князя с княгиней событием окончательным и бесповоротным или Ростислава Мстиславна впоследствии была возвращена Ярославу и стала матерью его сыновей, в частности Александра Невского и Андрея Ярославича. В летописных источниках мы не находим никаких прямых указаний ни на воссоединение Ростиславы и Ярослава, ни на какой-либо новый брак последнего при жизни Ростиславны. Об этом союзе см.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. I: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. СПб., 1889. С. 18–19, прим. 42; *Кучкин В. А.* К биографии Александра Невского // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 71–80; *Домбровский Д.* Из исследований генеалогии смоленских Ростиславичей: Была ли дочь Мстислава Мстиславича матерью Александра Невского? (Возвращение к проблеме) // ДРВМ. 2006. № 2 (24). С. 21–30; *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне... С. 129, прим. 27.

Несколько особняком стоят случаи, когда княгиня, по взаимному согласию с мужем, расстается с ним специально для того, чтобы принять постриг. Зачастую это происходит столь незадолго до ее кончины, что трудно (да и не вполне осмысленно) проводить здесь грань между разделением супругов как таковым и традицией пострижения в тяжелой болезни или перед смертью. Таков, со всей очевидностью, был уход в монастырь Марии Шварновны, супруги Всеволода Большое Гнездо (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 424), весьма близка к данному случаю и история невестки Всеволода Большое Гнездо, жены его сына Святослава Всеволодича, который «ѡпусти кнагѣню свою по свѣту всхотѣвши еи в монастырь и дасть еи надѣлокъ много. ѡиде ѡ него до Бориша днѣи иде в Муромѣ къ братыи. и пострижеса» (см.: Там же. Стб. 450). Примечательно, что сообщение о ее постриге помещено в ряд свидетельств о смерти и пострижении на смертном одре других Рюриковичей, состоявших и не состоявших с нею в близком родстве.

В качестве любопытной параллели к интересующей нас проблеме нуэтридинастических разводов и пострижения может служить казус Евпраксии (Адельхайд) Всеволодовны, лежащий, строго говоря, за пределами нашего рассмотрения, поскольку она, как известно, была замужем не за русским князем, а за императором Генрихом IV. Брак ее, со всей очевидностью, распался в середине 90-х гг. XI в., после череды скандалов и громких разоблачений она возвратилась на Русь и прожила там некоторое время. Постриг же она приняла лишь в декабре 1106 г. (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281), спустя несколько месяцев после кончины Генриха в августе того же года, что невольно вызывает сомнение, имел ли место в свое время церковный развод между супругами (см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 209, прим. 12; *Riß H.* Eupraxia-Adelheid. Eine biographische Annäherung // JGO. 2006. Bd. 54. Heft 4. S. 512).

Разумеется, постригаться при живом супруге случалось не только княгиням, но и князьям. Таков был, как известно, постриг Игоря Ольговича,

говорилось, и несколько случаев брака между родственниками в 6-й степени. При этом до сих пор у нас была только одна точка пересечения этих множеств³⁸ – пресловутая ситуация Романа Мстиславича и Предславы, а на одном примере, естественным образом, невозможно установить никакой закономерности, тем более что на первый взгляд совместная жизнь других пар, заключивших брак в 6-й (а, возможно, даже и в 4-й)³⁹ степени

жена которого оставалась под покровительством его брата Святослава Ольговича (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 335). О ее дальнейшей судьбе сведений нет, и никаких попыток пленить ее и постричь вместе с мужем, по-видимому, не предпринималось, хотя монашество Игоря во многом можно назвать вынужденным (Там же. Стб. 337).

Максимально широкий список возможных княжеских разводов в XII–XIII вв. см. в работе: *Dąbrowski D. Przyczyny i okoliczności rozpadu książęcych małżeństw na Rusi w XII i XIII w. // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 2010. № 3–4*, с указанием литературы. Выше мы остановились лишь на некоторых из них, укладывающихся в хронологические рамки нашего исследования и не оставляющих сомнений в том, что брак прекратился не со смертью одного из супругов. Отметим при этом, что в примерах, привлекаемых Д. Домбровским и остающихся за пределами нашего рассмотрения, нет случаев, когда дело бы шло о разрыве союза между лицами, состоящими в 6-й степени родства.

Таким образом, как уже отмечалось выше, Роман Мстиславич остается, в сущности, единственным князем домонгольского времени, о котором мы из летописных источников знаем, что он не только расстался с женой, не только целенаправленно добился ее пострижения, но и вступил в следующий, судя по всему, законный брак.

38 Д. Домбровский в своей статье, посвященной княжеским разводам XII–XIII вв., утверждает даже, что на Руси, в отличие от Западной Европы, вовсе не известны случаи упразднения брака из-за слишком близкого родства между супругами (*Dąbrowski D. Przyczyny i okoliczności...* С. 366). На наш взгляд, такая формулировка чересчур категорична, а потому и не вполне верна. Скорее можно говорить о том, что в древнерусских историографических источниках недопустимо близкое родство никогда напрямую не объявляется в качестве причины княжеского развода. Однако сложность здесь заключается в том, что наши источники чаще всего вообще умалчивают о каких бы то ни было мотивах и основаниях расторжения брака – как правило, и причину и повод мы вынуждены реконструировать сами, сопоставляя различную сопутствующую информацию. В этой связи генеалогические данные могут оказаться не менее ценными, чем упоминания о политических союзах и противостояниях.

39 Речь идет о браке между Андреем Ярославичем, сыном Ярослава Всеволодича, и дочерью галицкого князя Даниила Романовича. Брак этот был заключен в 1250 г., т. е. во времена, лежащие за пределами интересую-

родства, насколько можно судить по источникам, разводом не прерывается⁴⁰.

Подобного рода картина скорее свидетельствует о том, что на Руси не существовало регулярной практики амбивалентного использования канонических норм о браке. Тем не менее, мы рискнули бы утверждать, что действия участников интересующей нас ситуации с насильственным постригом Рюрика, его жены и дочери во многом определялись именно умелым использованием одной из конфликтующих сторон ситуации близкородственного брака в собственных династических интересах.

щего нас хронологического периода. Брачующиеся, возможно, состояли друг с другом в 4-й степени родства, будучи оба по материнской линии внуками Мстислава Удатного. Однако относительно Андрея Ярославича твердой уверенности в том, что он был сыном Мстиславны, нет (см. прим. 37 к настоящей работе).

- 40 В работе А. В. Назаренко упоминаются *два* закончившихся расторжением брака в 6-й степени родства у домонгольских Рюриковичей: 1) брак Романа Мстиславича; 2) брак Ярослава Святополчича (см.: *Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне...* С. 48, 95, 129, прим. 28). Второй пример, однако, является следствием недоразумения, так как женой Ярослава Святополчича объявляется здесь *дочь* Владимира Мономаха, тогда как в летописи совершенно определенно зафиксировано, что князь был женат на дочери Мстислава Великого, т. е. *внучке* Мономаха: «Ирославъ ходи на Итвазѣ. снѣ Сѣопольчъ. и побѣди ѿ. и пришедь с воины. посла Новугороду. и поа Мьстиславлю дщерь собѣ женѣ. Володимерю внуку. мѣца. маиа. вѣ. ѿ. а приведена быѣ. июнѣ. вѣ. кѣ» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273). Следовательно, брачующиеся состояли отнюдь не в 6-й, а в 7-й степени родства, как и многие другие княжеские пары на Руси (в другом месте, на с. 95–96, исследователь называет жену Ярослава Святополчича «Мстиславной», но настаивает на 6-й степени родства между ними). Правильное исчисление родства Ярослава Святополчича и Мстиславны присутствует в более ранней работе того же автора (*Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях...* С. 578–579).

К такому выводу нас подталкивает один ускользнувший от внимания историков генеалогический факт. Дело в том, что не только сам галицкий князь Роман и отвергнутая им Предслава были правнуками одного и того же лица и, следовательно, состояли в 6-й степени кровного родства, но и Романовы тесть и теща, постриженные по его указанию Рюрик и Анна, также приходились, по-видимому, друг другу кровными родственниками в 6-й степени, будучи оба правнуками Владимира Мономаха, Рюрик – по мужской линии, Анна – по женской.

Со всей очевидностью, Анна была дочерью Туровского князя Юрия Ярославича, сыновья которого в летописи последовательно называются «шурьями» (= братьями жены) Рюрика Ростиславича⁴¹. Же-

41 Судя по летописным сообщениям, Рюрик был весьма близок с братьями своей жены. Двух из них он хоронит в Киеве в Михайловском Златоверхом монастыре, построенном их прадедом Святополком-Михаилом: «Престависа князь Стополкъ снъ Гюргевъ. шюринь Рюриковъ. мѣца. априла. въ. ѿ. днѣ. и положень бы^ѣ во цркви стго Михаила. Златовѣрхаго» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 665) – с этим князем Рюрик ходил в военные походы в пору юности, не только до женитьбы на его сестре Анне, но еще до своего первого брака с половецкой княжной (Там же. Стб. 521); «Тое же зимы престависа блговѣрннн князь Глѣбъ Тоуровски шюринь Рюриковъ. снъ Гюргевъ мѣца марта. и привезоша и в Къевъ. и стрете и митрополитъ Къевьскнн игоумени вси. и кнзъ великнн Рюрикъ Къевьскнн и тако проводиша со вбъчнннми пѣ^ѣми. и пожалова Рюрикъ шюрина своего. бѣ бо любимъ емоу. и спратавше тѣло его. положиша во цркви стго Михаила Златовѣрхаго» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 694). Характерно, что свойство Глеба Юрьевича с киевским князем Рюриком упомянуто здесь перед указанием на то, что покойный был сыном Юрия Ярославича.

С другой стороны, и для самого Рюрика свойство с турово-пинскими князьями, судя по частоте его упоминания в летописи, играло довольно существенную роль. Именно Глеб Юрьевич в свое время ездил сватом к Всеволоду Большое Гнездо, устраивая брак своего племянника Ростислава, сына Рюрика (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658). Сам Рюрик вместе с сыном Ростиславом гостил в Пинске у своей тещи и шурьев, на свадьбе еще одного брата своей жены, Ярополка: «Ростиславъ же [...] в борзѣ еха къ ѿцю въ Вроучнн. ѿцѣ бо ѿго баше пошелъ на Литву и бы^ѣ в Пинески оу тещи своєї и оу шюрнн своєї тогда бо баше свадьба. Ярополча...» (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 672).

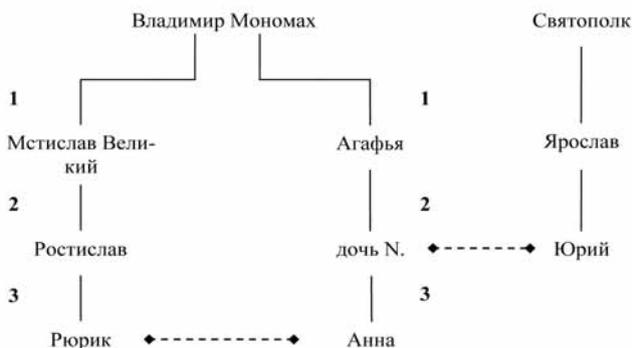
В качестве еще одного (но косвенного) доказательства связи детей Рюрика с турово-пинскими князьями исследователи приводят летописное сообщение о том, что Роман Мстиславич Галицкий в ту пору, когда его брак с Предславой Рюриковной был еще в силе, потеряв Галич и отпра-

ной же Юрия Ярославича и, судя по всему, матерью Анны была, как известно, княгиня, которая в летописи именуется *Всеволодковной*⁴². Имени ее мы не знаем, генеалогия и точная локализация княжения ее отца Всеволодка является предметом исследовательской дискуссии⁴³, но при этом происхождение ее матери практически не вызывает сомнений – *Всеволодковна* это не кто иная, как дочь Агафьи Владимировны и, соответственно, родная внучка Владимира Мономаха⁴⁴. Дочь

вившись за помощью в Польшу, «женоу поусти во Вроучи: с Галичаньками на Пинескъ» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661).

- 42 «...Тои же зимѣ Всеволодъ ѿда двѣ Всеволодковнѣ. Володимери вноуцѣ. единою за Володимира за Двѣвича. а другоу за Юрослалича. за Дюрда. ѡбѣ ѡдиною недѣлѣ» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 317). О других браках Юрия Ярославича источники ничего не сообщают, так что у нас есть все основания считать, что женат он был единожды и все известные дети этого князя происходили от одной матери, от той самой Всеволодковны, на которой он женился в 1145 г. Факт этот никем из исследователей под сомнение, как кажется, не ставился. О времени брака его дочери Мальфрид – 1167 / 1168 г. – см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 527; о реконструкции даты замужества другой его дочери, интересующей нас Анны (середина – вторая половина 60-х гг. XII в.) см.: *Dąbrowski D. Genealogia Mściślawowiczów. S. 455, с обсуждением различных возможностей датировки).*
- 43 Наиболее аргументированным, насколько мы можем судить, является предположение А. В. Назаренко, согласно которому Всеволодка был сыном Ярослава Ярополчича, внуком Ярополка Изяславича и, соответственно, праправнуком Ярослава Мудрого (см.: *Назаренко А. В. Городенское княжество и Городенские князья в XII в. // ДГ. 1998 год. М., 2000. С. 169–188; Он же. Древняя Русь и славяне... С. 124–161). Повторимся, однако, что наши генеалогические подсчеты не зависят от родословной Всеволодка, так как строятся на происхождении его жены Агафьи.*
- 44 Ср. сообщение летописи о замужестве Агафьи Владимировны: «... томъ же лѣтѣ Володимеръ ѿда дщерь свою Огафью за Всеволодка» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284). Отчество князя не названо, но, по-видимому, им не мог быть кто-то иной, кроме Всеволодка Городенского. Подробную аргументацию см.: *Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне... С. 127. В свое время, правда, В. Н. Татищев предположил, что отцом двух княжон Всеволодковен был новгородский и псковский князь Всеволод-Гавриил, сын Мстислава Великого. Однако в таком случае брак одной из этих сестер с Владимиром Давыдовичем оказался бы союзом между родственниками, состоящими в 4-й степени родства или свойства, что представляется крайне маловероятным. Подробнее см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами... (в печати).*

же ее, Анна, приходилась, таким образом, внучкой Агафье и правнучкой Мономаху.

Это родство могло быть использовано Романом Галицким для расстановки нужных ему акцентов в ситуации с собственным разводом. В самом деле, факт его кровного родства с Предславой Рюриковной мог служить основанием для расторжения их брака, но не давал ни одной из сторон даже косвенных преимуществ, позволяющих немедленно вступить в новый матримониальный союз. Однако существовало эффективное средство, перекладывающее все бремя ответственности и вину на одну из конфликтующих сторон: Предслава Рюриковна, неугодная жена, не только вступила в недозволенный брак, но и рождена была в союзе, который в принципе подлежал расторжению. Ее родители, Рюрик и Анна, оказывались, соответственно, виновны вдвойне, а то и втройне – они не только сами заключили брак, будучи троюродными братом и сестрой, но и, продолжая упорствовать в этом, обустроили точно такой же брак для своей дочери, да даже не для одной, а целых двух! Как мы помним, родная сестра Предславы в 1183 г. была отдана замуж за Глеба Святославича, также состоящего с ней в 6-й степени родства.

Незадолго до интересующих нас событий у Романа и его новой спутницы родился сын Даниил (а возможно, на свет успел появиться и второй, Василько)⁴⁵. Весьма вероятно, что именно данное обстоятель-

45 Несколько иную хронологическую приуроченность событий см. в работе А. П. Толочко (см.: *Толочко А. П. Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого?* // СР. Вып. 7. М., 2007. С. 221–236), где высказывается предположение, что в момент насильственного пострижения киевско-

ство заставляло его торопиться с легитимизацией этого матримониального союза. Во всяком случае, если верить летописи, пострижение Предславы Роман замысливал давно⁴⁶, однако поначалу воздерживался от воплощения этого плана и галицкая княгиня в течение нескольких лет благополучно жила при своих родителях в Киеве, принимая деятельное участие как в официальной жизни княжеского рода, так и в частных, семейных событиях. Теперь же Роман пытается взять на себя роль ревнителя церковно-канонических устоев и выступает инициатором не только прекращения собственных брачных обязательств, но и браков между троюродными как таковыми. Видимо, в духе постановлений императора Мануила, вина за заключение столь близкородственного союза возлагается Романом в первую очередь на тех, кто способствовал его заключению, т. е. Рюрика и Анну, «закореневших» в этом дурном обычае.

Трудно себе представить, что такое событие как пострижение киевской княжеской семьи могло обойтись без ведома церковных властей, прежде всего митрополита киевского. Однако о какой-либо санкционированности этого действия митрополитом говорить крайне затруднительно не в последнюю очередь потому, что оно приходится на тот период, когда мы попросту не располагаем сколько-нибудь определенными сведениями о положении дел с митрополичьей кафедрой. Занимал ли ее еще Никифор II, некогда возглавлявший церемонию возведения Рюрика Ростиславича на киевский стол и в свое время лично способствовавший его очередному примирению с Романом? Пришлось ли пострижение Рюрика и его семьи на тот этап, когда кафедра вдовствовала? Или же на нее уже возшел преемник Никифора Матфей, который предпочел строгое следование канону всем тонкостям местных династических распрей и местного династического обихода? Нетривиальный характер произошедшего скорее мог бы свидетельствовать в пользу второй или третьей версии. Легче всего, по-видимому, Роман мог склонить на свою сторону нового митропо-

го князя Роман лишь ожидал появления на свет старшего из мальчиков, причем исследователь считает, что старшим сыном был, вопреки распространенной точке зрения, не Даниил, а Василько. Учитывая, однако, отсутствие наследников мужского пола в браке с Предславой, нам представляется более вероятным, что к столь решительным и неотложным действиям Романа, скорее, могло подвигнуть уже состоявшееся рождение мальчика, будь то Василько или Даниил.

46 «Романко поча пуцати дчерь Рюрикову хоташеть ю постричи» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412).

лита, апеллируя к необходимости соблюдения некогда поправных брачных норм⁴⁷.

Любопытно в этом отношении следующее обстоятельство, имеющее отношение к вопросу о том, каким образом после 1166 г., после того, как в Константинополе были приняты столь определенные ограничения даже на 7-ю степень кровного родства, кто-нибудь из прибывших оттуда иерархов мог допустить княжеский брак между родственниками в 6-й степени. Сообщение о браке сестры Предславы с Глебом Святос-

47 Митрополит Никифор занимал кафедру около 20 лет, однако ни точной даты его прибытия в Киев, ни времени его кончины мы не знаем: первое упоминание имени этого иерарха в летописях относится к 1183 г., а последнее – к началу 1198 г. (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 706; ср.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 208). При этом А. Поппэ полагал, что митрополит, дважды упоминаемый в Новгородской первой летописи в связи с избранием (под 6707 [= 1199/1200] г.) и рукоположением (под 6709 [= 1201/02] г.) новгородского архиепископа Митрофана (см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 44, 45, 238, 239) – это все тот же Никифор II, хотя здесь он не назван по имени (*Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Щанов Я. Н.* Государство и церковь в Древней Руси: X–XIII вв. М., 1989. С. 201; *Он же.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. / Пер. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Акентьева, СПб., 1996. (Subsidia Byzantinorossica 1.) С. 462).

С другой стороны, необычно длительный промежуток (почти два года) между избранием Митрофана в Новгороде и поставлением его в Киеве может быть объяснен как раз кончиной Никифора и, соответственно, сменой иерархов на митрополичьем престоле (ср.: *Щанов Я. Н.* Государство и церковь... С. 64–65). Во всяком случае, еще один, столь же долгий промежуток между избранием новгородского епископа и его хиротонией связан с ожиданием прибытия на Русь митрополита Константина. Как известно, архиепископ Нифонт скончался в Киеве, в апреле 1156 г., куда он приехал, зная о том, что новый митрополит уже поставлен в Константинополе. Его преемник, Аркадий, был избран на новгородскую кафедру практически немедленно, с тем, чтобы дожидаться прибытия митрополита для рукоположения (см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 29–30), однако совершилось оно лишь два года спустя, т. е. в 1158 г. (см.: Там же. Т. 2. Стб. 498).

В целом же главная трудность заключается в том, что следующий киевский митрополит, Матфей, впервые назван в летописном источнике по имени лишь под 1210 г. (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435), таким образом, он, строго говоря, мог быть поставлен как Иоанном Каматиром (1198–1206 гг.), так и Михаилом Авторианом, вступившим на патриарший престол лишь в 1208 г.

лавичем в Ипатьевском своде мы находим в составе той же летописной статьи, где присутствует первое упоминание о митрополите Никифоре, который своею рукою постригает в присутствии епископов священника Василия, избранного игуменом Киево-Печерского монастыря⁴⁸. Время брака Предславы Рюриковны скорее всего не так уж далеко отстояло от времени брака ее сестры – политическая же необходимость обоих этих союзов была чрезвычайно велика. Более того, они как бы выстраивают круг свойств (смыкающийся именно в 80-е гг. XII в.) между наиболее могущественными русскими князьями того времени, между черниговской ветвью и двумя разошедшимися линиями Мономахова рода. Тот, кому среди Ольговичей принадлежало старшинство, Святослав Всеволодич, занявший киевский стол, оказывался – благодаря бракам двух своих сыновей, Глеба и Мстислава – свойственником и Рюрика Ростиславича, и Всеволода Большое Гнездо⁴⁹.

Всеволод и Рюрик также при первой возможности войдут в отношения свойства друг с другом, причем Рюрик, породнившись с суздальским князем, практически одновременно выдает свою дочь за представителя еще одной линии Ольговичей – Святослава Игоревича⁵⁰, как бы соблюдая таким образом своеобразное матримониальное равновесие.

48 См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 624–628.

49 Приведем соответствующую таблицу:

50 «Тоѣ же. недѣлѣ ѿда Рюрикѣ дочь свою Иррславою. за Игоревича. за Стѣслава в Новѣгороѣ. Сѣверьскѣи» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659):

Существенно позже еще одна дочь Рюрика, Всеслава, была, как известно, отдана замуж за одного из рязанских князей, Ярослава Глебовича, сына Глеба Ростиславича и, соответственно, внука Ростислава Ярославича: «...блѣговѣрныи великии князь. Рюрикѣ Ростиславичѣ. ѿда дщерь свою Всеславою в Рязань за Иррслава за Глѣбовича» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 708). Имя и происхождение супруги младшего сына Рюрика, Владимира, в источниках не зафиксировано.

Значение, придаваемое родству через брак, было, по-видимому, велико как никогда⁵¹, создается впечатление, что оно казалось последним средством, способным прекратить междоусобные конфликты⁵², и как бы часто мы ни наблюдали в это время провал такой семейной стратегии, в целом ряде случаев она оказывалась вполне эффективной⁵³. Однако чем сильнее были политические

- 51 В этом отношении весьма любопытен заметный рост частотности употребления терминов свойства (*зять, сват, свесть, тесть, шурин* и т. п.) в Ипатьевской летописи, когда речь идет о событиях последней четверти XII в.
- 52 Заключение внутридинастического брака все в большей мере становится средством подтверждения договора между представителями старшего поколения, родителями брачующихся. Одним из неожиданных следствий усиления такой матримонимальной тактики является своеобразный рост статуса княжны в летописном повествовании (а, по-видимому, и в реальном обиходе княжеской династии). Поскольку дочь князя при совершении брака-договора оказывается представителем равноправной отцовской стороны, заметно большее внимание уделяется, например, династическим (некалендарным) именам будущих княгинь, что было скорее редкостью для первой половины XII в. (см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени... С. 256–264). В подобной перспективе брак Романа и Предславы тяготеет к прежней модели, когда большее значение придавалось союзу между тестем и зятем, нежели между двумя отцами-сватами.
- 53 В рассказе о 80-х гг. XII в. составитель летописи иной раз подчеркивает, что свойственники могут оказаться более надежными союзниками, чем кровные родичи. Существенно, правда, что речь идет о кровном родстве по женской линии. Так, излагая историю скитаний Владимира Ярославича, изгнанного отцом из Галича, летописец перечисляет всех князей, поочередно отказывавших князю в приюте, причем последним в этом ряду оказывается дядя по матери, Всеволод Большое Гнездо. Лишь зять Владимира, муж его сестры, Игорь Святославич «прии с любовью. и положи на немъ чѣть великоу. и за двѣ лѣтъ держа и оу себе. и на третьее лѣто введе и в любовь. со шѣмъ его. и посла с нимъ (с нимъ) сна своего. зата Рюрикова Стослава» (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 634).

упования на внутрдинастические связи, тем больше (при всей приверженности Рюриковичей к соблюдению церковных ограничений, к которым они успели адаптироваться) оказывался риск нарушения брачных канонических правил. Не случайно, например, что практически одновременно, около 1188 г., мы сталкиваемся с двумя браками заведомо малолетних княжон – помимо уже упоминавшейся выше Феодоры, дочери Романа и Предславы, в ту же пору замуж за Ростислава Рюриковича выходит 8-летняя дочь Всеволода Большое Гнездо, причем в летописи подробно, как нечто достойное особенного внимания, описывается отъезд этой маленькой девочки в семью мужа⁵⁴.

Возраст невест в этих случаях явно не соответствовал каноническим установлениям, самое же существование такого рода союзов позволяет предположить, что именно в ту пору митрополит мог с большей вероятностью допускать в виде исключения и более существенные отступления от правил, обусловленные необходимостью примирения и политического согласия между наиболее влиятельными представителями правящего рода. Целый ряд подобных актов канонической терпимости по отношению к княжеским бракам приходится на то время, когда киевскую кафедру занимал Никифор II. По-видимому, именно этот иерарх и выступал как своего рода носитель духа икономии и дозволил, среди прочего, брак Романа и Предславы. Если учитывать ту огромную силу собственных родовых образцов и прецедентов, которая царила у Рюриковичей, княжеская чета, Рюрик и Анна, могли считать, что не совершают слишком большого греха, устраивая такие браки своих детей, ибо в свое время их собственные родители решились на аналогичный шаг; митрополит же, в свою очередь, мог ориентироваться на византийские династические образцы и прецеденты. Так, нельзя не вспомнить, что браки этих русских княжон чрезвычайно близки по времени к свадьбе незаконной дочери императора Андроника и ее троюродного брата, приведшей к появлению на константинопольской кафедре нового патриарха, Василия Каматира, причем с самого начала в этом деле отнюдь не все церковные иерархи придерживались столь же последовательно запретительной позиции, что и ушедший в добровольную ссылку патриарх Феодосий I. Естественно предположить в таком случае, что, коль скоро Никифор II в свое время счел возможным разрешить браки двух дочерей Рюрика с родственниками в 6-й степени, то до его кончины (а в конце

54 См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407; Т. 2. Стб. 658.

90-х гг. Никифор был еще на кафедре) эти союзы оставались не подлежащими расторжению⁵⁵.

Наиболее вероятным представляется, что Роман воспользовался для достижения своих целей стечением обстоятельств, когда конкретные основания, позволившие некогда преступить правила, были аннулированы или забыты, а санкционировавший эти союзы митрополит, пользовавшийся у князей значительным авторитетом, сошел со сцены, – и обрушил на головы своих жертв всю силу запретов на браки в 6-й степени.

В такой ситуации киевское духовенство, волею или неволей, должно было оказать ему поддержку, поскольку князь опирался на действительно существовавший и совершенно недвусмысленный канонический запрет. С фактом существования этих канонических установлений и их нарушением были вынуждены считаться и остальные князья, в частности Всеволод Большое Гнездо, который, хотя и выдал слишком рано замуж одну из своих дочерей, в собственной матримониальной стратегии никогда не решался отступить от запре-

55 Известно, сколь активную роль митрополит Никифор играл в нейтрализации первоначальных конфликтов Романа и Рюрика в середине 90-х гг. XII в. Когда Всеволод Большое Гнездо счел себя обойденным при разделе земель, Никифор посоветовал Рюрику передать суздальскому князю те владения, которые прежде были отданы Роману, и разрешил его от крестоцелования. Может показаться, что Никифор действовал исключительно в интересах Рюрика и Всеволода, однако Роман, судя по летописи, с готовностью принял такое решение (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 684) и, как уже упоминалось выше, рассорился с тестем лишь в тот момент, когда один из спорных городов оказался в руках Ростислава Рюриковича (Там же. Стб. 685–686). Более того, в дальнейшем, желая примириться с Рюриком, именно Никифора Роман избирает в качестве посредника (Там же. Стб. 687). По-видимому, заступничество митрополита было одним из главных оснований, побудивших Рюрика восстановить союз с попавшим в беду зятем (Там же. Стб. 688). Позднее, когда этот недолгий мир был расторгнут, летописец еще раз упоминает о том, что Роман пренебрег теми договоренностями, которые были достигнуты благодаря митрополиту Никифору (Там же. Стб. 697). Весь этот событийный ряд свидетельствует о том, что Никифор занимал в данной ссоре свойственников позицию миротворца и пользовался известным доверием обоих князей, отдавая, впрочем, предпочтение старшему из них. На таком фоне легко представить, что Никифор выступал за сохранение брака Романа и Предславы, и, во всяком случае, весьма трудно вообразить, чтобы он одобрил ту насильственную и небывалую форму его расторжения, к которой прибегнул Роман.

та на браки между троюродными, сколь бы перспективными для его многочисленного потомства они ни являлись.

Разумеется, не будь у Романа в ту пору должного политического веса и военной силы, едва ли киевскому клиру или роду Рюриковичей пришло бы в голову исполнять его инициативы или мириться с ними. Однако, с другой стороны, и одних его силовых возможностей было бы недостаточно, чтобы он мог предпринять такие шаги, не опираясь на канонические запрещения.

Иначе говоря, Роман как будто бы нашел благопристойную форму, чтобы столь могущественный оппонент, как Всеволод Большое Гнездо, например, предпочел не отменять значительную часть его насильственного акта, не позволив вместе с тем удерживать в плену сыновей Рюрика, Ростислава и Владимира, не запятнавших себя недозволённой женитьбой.

Вместе с тем нетрудно убедиться, что вся коллизия смоделирована Романом отчасти искусственно. Брак в недозволённой степени родства, если руководствоваться каноническими установлениями, грозит церковным наказанием вплоть до отлучения и даже немедленного развода, однако эта последняя мера может трактоваться по-разному в зависимости от степени родственной близости и взглядов автора предписаний⁵⁶. Тем более не всегда – даже в Византии – именно она принималась в качестве практического судебного решения. Со всей очевидностью, вопрос о необходимости расторжения уже свершившегося брака был одной из тех сфер применения канона, где весьма многое зависело от личности конкретного духовного иерарха, причем речь могла идти не только о его готовности делать уступки власти предержавшим, но и от собственного видения обстоятельств дела и его правовых предпочтений.

Эпизод упразднения браков самого Романа и его тестя и тещи может объясняться, таким образом, как тем, что в Киеве, в период отсутствия митрополита, клир решил трактовать правила буквально, подстраиваясь при этом под интересы Романа, так и тем, что именно новоприбывший из Константинополя митрополит счел нужным санкционировать этот весьма своеобразный акт восстановления порядка в брачных связях русских князей.

Как бы то ни было, неперемённого пострига в качестве наказания одной из сторон брачные нормы, разумеется, не предписывают. Роман

56 Напомним, например, что в ответах митрополита Иоанна, приводившихся выше (см. прим. 25 к настоящей работе), 5-я степень родства между супругами была основанием для развода, тогда как 7-я – лишь для церковного покаяния.

как бы намеренно нагнетает ситуацию, требуя последовательности канонического наказания там, где этой последовательности на Руси прежде не было, и формы этого наказания, каноном вовсе не предусмотренной. Мог ли быть интересующий нас постриг результатом насильственно предложенного семье Рюрика выбора, где на другой чаше весов лежало, например, полное церковное отлучение? Едва ли в источниках можно найти определенный ответ на этот вопрос, однако дальнейшие действия Анны, отказавшейся отринуть монашеские обеты, и реплика Ипатьевской летописи, согласно которой Рюрик эти обеты «приаля боязни ради Романовы», скорее подталкивают к мысли, что некоторый элемент добровольности в данном мероприятии сохранялся хотя бы формально.

Можно было бы попытаться связать стремление Романа сыграть на соблюдении нарушавшихся на Руси норм канонического права с предполагаемым византийским происхождением его следующей жены⁵⁷, однако, как кажется, в этом нет прямой необходимости. Скорее здесь уместнее говорить о некоем общем для той поры усилении влияния византийских образцов как в том, что касается церковной традиции, так и в использовании актуальных для Византии приемов в разрешении политических конфликтов. Оглядка на византийские образцы в известном смысле вновь стала в княжеском роду всеобщей потребностью. Поэтому когда Роман умер и было снято непосредственное силовое давление на Рюрика, постриженники оказались перед выбором – сосредоточиться ли на насильственности проделанной над ними процедуры или принять ее как акт покаяния.

Мы же, по-видимому, остаемся лицом к лицу с едва ли не первым на Руси случаем сознательной манипуляции каноническим правом, когда одно и то же объявляется по мере надобности то допустимым, то строго запрещенным, причем такую манипуляцию трудно не расценить как один из симптомов кардинальной перестройки всего династического быта Рюриковичей.

57 См. о ней подробнее: *Grala H. Drugie małżeństwo Romana Mściślawicza...* S. 115–127; *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów...* S. 34–40; *Толочко О.* Як звали другу дружину Романа Мстиславича? // *Confraternitas: Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаевича.* Львів, 2006–2007. С. 98–102 (автор оспаривает византийское происхождение второй супруги Романа); *Майоров А. В.* Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: Княгиня и монахиня // *ДРВМ.* 2010. № 1 (39). С. 76–106, с указанием литературы и обсуждением истории вопроса.